

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В данной статье рассматриваются вопросы категории модальности, относящиеся к числу тех спорных проблем языкознания, которые на каждом новом этапе развития лингвистической мысли не только не теряют своей актуальности, а, скорее наоборот, приобретают всё новые аспекты, так что пессимистическому взгляду они могут казаться совершенно неисчерпаемыми и неразрешимыми.

Категория модальности относится к числу наиболее широких, многозначных и разноплановых языковых категорий. При всем терминологическом разнообразии, которое находим в определениях этой категории, наиболее общим для большинства является указание, в первую очередь, на то, что модальность выражает отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего [1, 2, 3, 4].

Та сложность, на которую указывают все исследователи модальности, во многом определяется уже тем фактом, что в ней связаны воедино такие ключевые понятия коммуникативного процесса, как объективная действительность, высказывание и его автор — говорящий. Как пишет В.Г.Гак, в модальности выражается субъективный момент высказывания, преломление отрезка действительности через сознание говорящего [5, с. 144]. Эта же идея субъективного преломления действительности угадывается и в той характеристике, которую А.М.Пешковский даёт синтаксическим категориям, видя их специфику в том, что в них «говорящий сам выражает работу своей мысли, он как бы скрепляет все эти отношения своей творческой печатью» [6, с. 80]. Отнеся те значения, которые сегодня чаще всего связываются с модальными (например, наклонения, коммуникативный тип предложения, отрицание и утверждение и т. д.), к разряду субъективно-объективных категорий, А.М.Пешковский очень точно охарактеризовал их языковую сущность. Эти идеи нашли дальнейшее развитие в теории В.Г.Адмони в разграничении им логико-грамматических и коммуникативных категорий [2, с. 80]. Модальность В.Г.Адмони относит к коммуникативно-грамматическим категориям и еще уже - к модально-коммуникативным, которые опираются на внутренние отношения говорящего к содержанию речи [2, с. 54]. Характеризуя коммуникативно-грамматические категории вообще, а категорию модальности в частности, В.Г.Адмони особо подчеркивает их способность в обобщенном виде выражать и оформлять отношение говорящего к содержанию своего сообщения и всю ту неразрывную и сложную связь, которая существует между содержанием речи и самим процессом речевого общения между людьми [2, с. 14].

В своем развитии категория модальности прошла все этапы, характерные для языкознания вообще, и уже поэтому не смогла избежать, по выражению Т.В.Строевой, методологических пороков логицизирующих теорий XVIII в, сравнительно-исторических схем компаративистов XIX—XX вв., построения младограмматиков и т. д. [7, с. 9]. На разных этапах развития лингвистики понятие модальности то сужалось до понятия наклонения (акад. А.И.Давыдов), то расширялось, сливаясь фактически с категорией оценки и выражением экспрессивно-эмоционального отношения к сообщаемому.

Как всякие крайности, эти точки зрения легко обнаруживают свои уязвимые места, а потому вряд ли могут в полной мере раскрыть сущность данной категории. Это особенно заметно при расширенной трактовке модальности, в результате которой она действительно теряет свои видимые очертания и становится неким мегаязыковым явлением, так как в качестве оценочных и экспрессивных могут выступать любые элементы языковой системы: аффиксы, отдельные лексемы, междометия, частицы, грамматические конструкции, порядок слов, интонационные средства, метафоры и т.д. И несмотря на то что многие из перечисленных языковых средств действительно связаны с

категорией модальности, участвуют в выражении некоторых модальных значений, считаем, тем не менее, необходимым по возможности более строго разграничивать модальность, с одной стороны, и эмоциональность, экспрессивность, оценку — с другой. Другая крайность в подходе к категории модальности в современном языкознании состоит в ограничении ее категорией наклонения как основным средством выражения реальности — ирреальности. Ведущая роль глагола в создании модальной основы предложения-высказывания, особенно в таких языках, как немецкий, не подлежит сомнению. Это находит отражение в теории построения функционально-семантических полей, когда глагольная категория наклонения рассматривается как ядро функционально-семантического поля модальности [5, 8]. Однако из этого вряд ли можно сделать вывод, что модальность как категория, связанная с содержанием всего высказывания, прикреплена именно к сказуемому. Модальность, характеризующая высказывание как коммуникативную единицу в целом, лишь в редких случаях будет проявляться только в глагольной форме, как это имеет место, например, в немецких императивах: *Komm! Lies! Sprich!*

Многие лингвисты подчеркивают, что невозможно понять и раскрыть специфику модальности, исходя только из формальных средств выражения, например категории наклонения (в ее традиционном понимании). В. Ратей пишет об этом: „Der Modus verbi stellt selbst keine Modalität und auch keinen Teilbereich der Modalität dar. Er ist vielmehr ein sprachliches Mittel durch welches verschiedene Arten modaler Beziehungen zum Ausdruck gebracht werden können. Der Begriff „Modus sollte deshalb überhaupt nur im Sinne „sprachliches Ausdrucksmittel der Modalität“ verwendet werden... Die Modalität ist eine Inhaltskategorie, der Modus hingegen eine Ausdruckskategorie“ [9, с. 406].

В дальнейших рассуждениях о категории модальности мы будем исходить из двух принципиальных положений, сформулированных еще В.В.Виноградовым:

1) модальность — «из тех категорий, которые акад. И. И. Мещанинов назвал понятийными категориями»;

2) «содержание категории модальности и формы ее обнаружения исторически изменчивы» [10, с. 57].

При этом чрезвычайно важным считаем то, что эти два фундаментальных положения, касающиеся категория моральности, неразрывно связаны друг с другом. «Понятийными категориями, -писал И.И.Мещанинов, — передаются на самом языке понятия, существующие в данной общественной среде» [11, с. 196]. Отсюда следует, что историческая изменчивость категории модальности является следствием изменений, происходящих в обществе, в определенной общественной среде.

В современной лингвистике нет практически ни одной работы по модальности, которая не отмечала бы сложный, глобальный характер этой категории. Вместе с тем в этих же работах нельзя не заметить стремления авторов к возможно большому её расчленению, дроблению. Это находит выражение в том, что число выделяемых различными исследователями видов модальности все увеличивается. В работах советских лингвистов чаще всего разграничивается объективная и субъективная модальность [2, 10]. Объективно-модальные значения противопоставляются субъективно-модальным, как обязательные факультативным. Тем самым разграничиваются два типа значений: 1) неотделимые от самого понятия предложения как такового и 2) значения, выражение которых определяется фактически желанием говорящего, его свободной волей и которые, следовательно, должны восприниматься как нечто надстроечное, необязательное, даже избыточное.

Особенно показательным в этом отношении определением, данное в «Русской грамматике». Под модальностью здесь понимаются «разные явления, объединяемые тем признаком, что все они так или иначе — грамматически, лексически, интонационно — выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности» [7, с. 214]. В этом определении, как видим, совершенно четко очерчен круг значений,

связанных с выражением отношения говорящего к сообщаемому, и тех значений, которые выражают отношение сообщаемого к действительности.

То, что перед нами два различных типа отношений, очевидно. При внешнем сходстве несомненна глубокая внутренняя разница между ними, которая не исчерпывается факультативным характером одних и обязательным характером других. Если в первом типе модальных значений, т. е. при выражении отношения говорящего к сообщаемому, присутствие говорящего можно обнаружить в определенных языковых формах (в модальных словах, частицах, синтаксических конструкциях), то при выражении модальных значений второго типа — отношения сообщаемого к действительности — говорящий оказывается как бы запрятым, растворённым во всей предикативной основе предложения. Его в этом случае можно уподобить некоему анонимному, или лучше — обезличенному, автору: он есть, (раз есть высказывание, следовательно, есть и некто, кто его высказал), но он не обнаружил себя, своего лица. Не выразить отношения сообщаемого к действительности он не может, в этом проявляет себя давление языковой системы, но эта же языковая система дает ему возможность замаскировать свое «я» и выступить просто «усредненным», обезличенным говорящим. Разграничение объективной и субъективной модальностей, начало которому было положено работами В.В.Виноградова, помогает вскрыть многие существенные черты этой категории и представляется поэтому вполне оправданным. Однако в ряде работ по модальности предлагается и иное, более дробное членение модальных значений. Так, Л.С.Ермолаева разграничивает модальность внутреннюю и внешнюю с делением последней на объективную внешнюю модальность и субъективную внешнюю модальность. Такое разделение строится в основном на тех же принципах и лишь незначительно отличается от первой классификации: перекликается с ней и предложенное западными лингвистами выделение системы модификации и системы модальности [12, 13]. В некоторых работах модальность рациональной оценки противопоставляется модальности эмоциональной оценки [14].

Необходимость учитывать такие модальные значения, как возможность, долженствование, предположение, сомнение и т. д., которые сложно переплетаются с названными выше значениями объективной и субъективной модальности, делают общую картину модальных видов чрезвычайно пестрой, а сами классификации не всегда достаточно убедительными. При этом бросается в глаза, что большинство авторов строят свои рассуждения и классификации, опираясь лишь на предложения двух коммуникативных типов — побудительные и повествовательные. Вопросительные предложения чаще всего остаются вне поля их зрения, за исключением немногочисленных специальных работ, посвященных, например, функционированию отрицания или модальных слов по вопросительной структуре [15, 16]. Исключение составляет, пожалуй, лишь статья И.П.Распопова, где автор предпринимает попытку включить коммуникативные типы предложений в общую систему модальности. Однако эту попытку вряд ли можно признать удачной, в первую очередь, потому, что взаимодействие коммуникативных типов с другими модальными категориями понимается И.П.Распоповым слишком прямолинейно. Так, говоря о связи коммуникативного типа предложения с наклонением и отмечая преимущественное выражение побуждения с помощью повелительного наклонения, автор вдруг совершенно неожиданно говорит о том, что «повествовательное предложение, как правило, использует изъявительное наклонение», хотя абзацем ниже он сам вынужден констатировать, что «для вопросительного предложения основной формой глагольного сказуемого также является изъявительное наклонение». Далее И.П.Распопов говорит об «особом месте сослагательного наклонения», хотя то обстоятельство, что оно не может быть однозначно связано ни с одним из коммуникативных типов, вовсе не отличает его в этом отношении от изъявительного наклонения.

Мысль о том, что между коммуникативными типами предложения и другими модальными значениями существует несомненная связь, высказывалась и раньше [2],

однако еще до недавнего времени исследования по этой проблеме практически отсутствовали. Исключение составляют работы чешских лингвистов. Некоторые из них признают статус коммуникативного типа предложения, т. е. его характеристику как повествования, вопроса, приказа, основным модальным значением высказывания.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что одной из первых и очень непростых задач любого исследования, посвященного модальности, является определение объема и уточнение границ данной категории.

Литература:

1. Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики. -М., 1981.
2. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. -Л., 1973.
3. Адмони В.Г. О модальности предложения.// Учёные записки ЛГПИ. 1957.
4. Moskalskaj O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. -М., 1983.
5. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. -М., 1969.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. -М., 1935.
7. Строева Т.В. Модальность в косвенной речи. -Л., 1951.
8. Беляева Е.И. Функционально–семантические поля модальности в английском и русском языках. -В., 1985.
9. Rathau W. Zur einigen Problemen der linguistischen Modalität. Rostock, 1975.
10. Виноградов В.В.. О категории модальности и модального слова в русском языке. -Л., 1947.
11. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи -М., 1945.
12. Raynaud F. Die Modalverben im Deutsch. 1976.
13. Dieling K. Die Modalverben. 1983.
14. Эслон П.А. Замечания к осмыслению традиционного понимания модальности. - Тарту, 1972.
15. Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. - М., 1987.
16. Дроботова Л.Л. Семантика и функции вопросительных предложений с отрицательной формой сказуемого в современном русском языке. –Ростов-на-Дону, 1983.